

На самом же деле по-настоящему пьяным в стельку оказался один лишь Ланс.

Пыл остальных участников группы смахивал скорее на напускное безумие — так, повод подурачиться под шумок, пользуясь хмельным угаром.

И надо же было такому случиться, что в тот вечер все тормоза отказали именно у черноволосого гитариста — парня, который до сих пор считался в группе самым хладнокровным и вменяемым.

— И в чём тут моя вина? — оправдывался позже Джимми. — Да, признаю, это я предложил сменить пиво на виски. Но откуда мне было знать, что он ломается с первой рюмки? Он что, дома вообще к спиртному не прикасается?

Всё-таки Англия — страна потомственных пропойц. Здесь любой сопляк лет в пять, пока предки смотрят в другую сторону, успевает отхлебнуть из отцовской бутылки сидра. Вырастая в такой атмосфере, волей-неволей обзаведёшься хоть какой-то стойкостью к алкоголю.

Так что Джимми никак не ожидал, что Ланса срубят в мгновение ока.

А тот был хорош уже на выходе.

Шатаясь и явно плывя, гитарист замер посреди сцены, но ухитрился при этом вежливо поклониться залу и даже выдавить подобие улыбки.

Зрелище, прямо скажем, из ряда вон выходящее. Обычно Ланс предпочитал строить из себя неприступного лорда и упорно игнорировал публику — заигрывать с толпой всегда приходилось Джимми.

Дальше — больше. Ланс расставил свои длинные ноги и застыл в вызывающей, почти агрессивной позе, которую в тусовке за глаза величали «боевой стойкой». Ремень гитары он распустил на максимум, так что его новая пассия — инструмент из цельного палисандра, купленный на первый же аванс от контракта, — повисла прямо на уровне ширинки, а гриф вызывающе нацелился в первые ряды.

Мягко говоря, когда парень нацеливает на толпу торчащий из паха продолговатый предмет — это выглядит сомнительно. И пускай маститые рокеры вовсю использовали этот трюк ради дешевого эпатажа, приличнее жест не становился. Чистой воды похабщина.

Хуже всего, что играть в такой позе чертовски неудобно: согнёшься в три погибели над струнами — и сразу станешь похож на сутулого рака, прощай весь пафос. Но гитарное племя нашло выход, изобретя манеру играть в прогибе. Музыкант отклоняет корпус назад, напрягает пресс и ритмично подаёт таз вперёд, приподнимая низко висящую деку бедром. Рука при этом вытягивается во всю длину, и длинные гибкие пальцы с зажатым в них медиатором начинают

порхать по грифу.

Опустим технические тонкости. Любой мало-мальски зрячий человек понимал, насколько это зрелище пропитано похотью. В такие минуты инструмент превращается в продолжение плоти, а то, как пальцы терзают струны... Что ж, ассоциации напрашивались сами собой.

Ланс себе подобного никогда не позволял. Раньше он держал деку на уровне груди. Во время выступлений он стоял строго, опустив голову, сосредоточенный и отстранённый. Его пальцы скользили по ладам легко и безупречно, а сам он со своей надменной осанкой напоминал заезжего принца.

Но сейчас алкоголь взял своё. Взгляд затуманился, парень покачивался, будто вот-вот рухнет на пол и уснет прямо тут, но при этом упрямо удерживал эту бесстыжую позу, да ещё и глуповато улыбался — гораздо чаще, чем на трезвую голову. Выглядело это чертовски дико. Сам Ланс, похоже, масштаба бедствия не осознавал: в углу рта у него тлела сигарета, а подернутые хмельной дымкой синие глаза были полуприкрыты.

Нельзя сказать, что он отключился напрочь — остатки рассудка ещё теплились, но это был совсем другой человек, ни капли не похожий на прежнего Ланса.

Джимми покосился на него с опаской, гадая, не обернётся ли этот концерт грандиозным провалом. Но, как выяснилось, мышечную память пропить не так-то просто — Ланс мог чисто брать аккорды даже вслепую.

Открывать сет-лист должна была песня «Африканский буйвол». По замыслу, вначале шло яростное вступление ударных, к которым затем подключалась гитара.

Стоило Болдуину обрушить на барабаны первый глухой удар, как перегруженный звук палисандровой гитары разорвал воздух, точно молния. Вступление вышло бесшовным, секунда в секунду! Более того, из-за пьяной бесшабашности Ланс ударил по струнам с такой силой, что гитара взревела мощнее обычного. Координация не подвела его ни на йоту.

Джимми мысленно выдохнул. Пьяный в хлам Ланс оставался чертовски гениальным музыкантом.

Развернувшись к залу, вокалист замер у стойки микрофона, выжидая окончания интро. Пока шёл проигрыш, он привычно приплясывал на месте, скользя подошвами по сцене. Вскинув руки над головой, он принялся ритмично хлопать в ладоши, раскачивая бёдрами в такт и заводя разгорячённую толпу. Публика предсказуемо завелась, уставившись на златовласого фронтмена в предвкушении первого куплета.

Но уже в следующую секунду Джимми понял: радоваться было рано. Напарника несло во все тяжкие. То ли тормоза отказали окончательно, то ли он просто поймал дикий кураж.

В рок-банде гитарист — единственный, кому под силу оспорить лидерство вокалиста и перетянуть одеяло зрительского внимания на себя. Бывают треки с настолько доминирующими гитарными партиями, что голос солиста на их фоне кажется блёклым лепетом.

Прежде Ланс всегда помнил, что он лишь часть единого организма — группы «Планета». Из-за своего педантизма он терпеть не мог спонтанных импровизаций в духе Джимми и ради общего баланса сознательно приглушал собственное эго, давая голосу вокалиста раскрыться.

Но сейчас в его жилах бурлил алкоголь. И инструмент взревел — нагло, доминирующе, подминая под себя весь зал и выставляя напоказ бритвенно-острую агрессию звука.

Толпа, только что пялившаяся на белокурого фронтмена, так и застыла с открытыми ртами, замороженная натиском гитариста. Взгляды невольно устремились на Ланса, и зрители с изумлением обнаружили, что этот вечно хмурый, прячущий лицо парень чертовски, невероятно красив.

Выгнувшись дугой, брюнет самозабвенно терзал струны, глухой к внешнему миру и растворившийся в собственном безумии. Он то клонился к полу, то резко откидывался назад, качая головой в такт бешеному ритму. Пальцы летали по грифу с безумной скоростью. На ходу выдав ослепительное соло, он перешёл на тяжелые, вязкие риффы, которые обрушились на толпу, точно лавина. Звук звенел, рассыпался искрами, колот уши ледяным крошевом — эта музыкальная экспансия была столь яростной и неодолимой, что дышать становилось трудно.

Джимми ошарашенно покосился на напарника. Тот даже не взглянул в его сторону.

Полностью погружённый в свой трип, Ланс в лучах прожекторов казался сошедшим на землю языческим божеством — прекрасным, порочным и бесконечно высокомерным. Он царил на сцене, безраздельно приковывая к себе взгляды и беспардонно затмевая остальных участников группы. В этом жесте сквозило такое естественное, абсолютное превосходство, что даже злиться на него за это было невозможно.

Вот только крылась во всей этой феерии одна маленькая неувязка... Парень безбожно путал темы!

Очевидно, сказывались недели изнурительных репетиций нового материала, застрявшего у него в подкорке. Первые такты он ещё выдал под ритм Болдуина, послушно ведя партию «Африканского буйвола», но стоило ему уйти в глухой занос импровизации, как мелодия сделала крутой вираж и плавно перетекла во вступление к песне «Ей в этом году шестнадцать».

Мать твою, они летели прямиком в кювет!

Болдуин моментально почуял неладное: его ударные на долю секунды запнулись, но парень удержал ритм, упрямо выбивая такт. На басу у Тео тоже случилась заминка — инструмент

выдал несколько фальшивых нот, прежде чем подстроиться под новые реалии.

Положение было аховым, но Джимми, вообразив, какую мину скорчит трезвый Ланс на утро, едва сдержал дикий хохот. Злорадство так и подмывало его расплыться в улыбке.

Но шоу должно продолжаться — пришло время спасать концерт.

Громко хлопнув в ладоши, Джимми поймал встревоженные взгляды ритм-секции, сделал глубокий вдох и рванул на амбразуру. Он врезался в звуковую лавину гитары с такой силой, на которую только был способен. Из его горла вырвался запредельный, нечеловечески мощный фальцет, перекрывший весь этот инструментальный хаос и мгновенно вернувший ему бразды правления:

— Ей в этом году шестнадцать! Шест-на-дцать!

Ланс вздрогнул. Он потряхнул головой, словно сбрасывая наваждение. Его пальцы продолжали терзать гриф, но дикая импровизация сошла на нет, послушно встроившись в заявленную тему.

В ту же секунду ритм-секция наконец вздохнула с облегчением. Болдуин мигом раскусил маневр вокалиста — сыграть песню вне очереди, чтобы скрыть лажу. Не теряя ни секунды, он перестроился на ритм-рисунок «Ей в этом году шестнадцать», которая вообще-то должна была закрывать концерт. Его палочки замелькали в воздухе, выбивая пулеметную дробь, левая рука крутанула снаряд и наотмашь врезала по тарелке, ставя жирную точку во вступлении. Тео тут же подхватил тему, вливая в общий гул плотный, вибрирующий бас.

Публика, разумеется, ничего не заподозрила, решив, что этот безумный сбой — часть отрепетированного шоу. Внезапный слом ритма и грязный, яростный скрежет гитары лишь подлили масла в огонь — толпа взревела в экстазе. Люди хлопали как безумные, разрываясь от нахлынувших эмоций.

На сцене творился сущий ад: взгляд метался от барабанщика, виртуозно крутившего палочки среди грохочущих кадушек, к басисту, чьи низкие частоты буквально вибрировали в грудной клетке. Уши закладывало, а гитарист тем временем заходил на очередной круг бомбардировки, застыв в своей агрессивной, запредельно сексуальной стойке, от которой невозможно было отвести глаз. И словно этого было мало, этот гребаный златовласый дьявол-вокалист вылетел на самый край сцены, выплевывая слова прямо в беснующуюся толпу.

— Дерьмо! Почему у меня всего два глаза и два уха?! — вертелось в головах у сотен зрителей.

Это было их общее, доведенное до предела безумие.

А битва титанов между солистом и гитаристом только набирала обороты. Непрístupный брюнет наконец-то сбросил маску ледяного изваяния. Мазнув мутным взглядом по Джимми, он

принялся мерить сцену размашистыми шагами. Его худощавая, высокая фигура металась из стороны в сторону, то прогибаясь назад, то резко выпрямляясь; мокрые пряди облепили лицо. Заходя на рифф, он выдал фирменную «мельницу» — его правая рука закрутилась с бешеной скоростью, напоминая пропеллер пикирующего бомбардировщика, а пальцы с размаху обрушились на струны. Звуковая волна буквально ударила в грудь, накрывая зал оглушительным, грязным шквалом, словно эскадрилья штурмовиков заходила на бомбежку.

Но блондин не думал сдаваться. Он метался по авансцене, как раненый зверь. Сжимая микрофон побелевшими пальцами, он выплескивал такую ярость и страсть, каких от него ещё не слышали. Его уникальный, божественный голос брал запредельные ноты, вонзаясь прямо в душу. Этот вокал, пропитанный первобытной агрессией и неприкрытым сексом, вибрировал под самым потолком клуба. Сладкая хрипота в сочетании с похотливым текстом заставляла толпу содрогаться в сладком ознобе:

— Ей шестнадцать! Слышишь, приятель? Всего шестнадцать! И ты отлично понимаешь, к чему я клоню! Забирай её, детка, оторвись по полной! Заставь её стонать, заставь её кричать! Подари ей чертов рай! Приятель, ты ведь шаришь! Давай же, крошка!

Гитара взвыла раненым зверем, вновь вклиниваясь в его вокал...

Публика окончательно обезумела. Головы металась от вокалиста к гитаристу и обратно — люди боялись упустить хоть единое движение этой безумной парочки. Они сошлись в рукопашной за власть над толпой, отвоевывая друг у друга каждую пядь сцены и каждый вздох фанатов. Это был уже не концерт — это была война. Кровавая, красивая, затяжная дуэль равных соперников.

Но стоило залу втянуться в этот бешеный темп, как оба лидера внезапно оказались плечом к плечу. Глаза зрителей наконец перестали метаться. Но секунду спустя эти двое, готовые только что перегрызть друг другу глотки, переглянулись и одновременно ухмыльнулись, словно заключили негласное перемирие.

Инструмент Ланса выдал серию быстрых, вибрирующих трелей. По партитуре здесь должен был идти насвистываемый мотив. Но в хмельную голову Джимми пришла совершенно безумная идея. Сорвав связки в хриплый, утробный рык, он выдал глухое, вибрирующее придыхание, которое шло из глубины легких, перерастая в нарастающий, животный стон.

Петь так на пределе связок было чертовски тяжело. Вцепившись одной рукой в стойку, второй Джимми по-хозяйски закинул руку на плечо покачивающегося Ланса, наваливаясь на него всем телом. В такт рваным, синкопированным рывкам гитары его торс напрягся, и в микрофон полетели прерывистые, хриплые вздохи:

— А-ах... Да... Ох... Блядь... А-а-ах!

Мать вашу! Охренеть! Секундное оцепенение зала взорвалось шквалом истошных, диких криков. От этой картины у половины девчонок в партере подкосились колени. Чистый,

неразбавленный кайф.

Болдуин и Тео окончательно поймали волну. Каждый удар по тарелкам отдавался дрожью прямо в черепной коробке, а бас-гитара Тео заставляла внутренности вибрировать в такт.

Публика тонула в этом водовороте — дуэте ненависти и страсти, где гитара и вокал то сталкивались лбами, то сплетались в объятиях. Реальность поплыла перед глазами, оставив лишь этот пьяный угар.

И как раз в тот миг, когда безумие достигло пика, яростный рев гитары внезапно стих, переходя в мягкий перебор струн.

Музыканты застыли в шаге друг от друга — так близко, что золотые пряди Джимми смешались с черными волосами Ланса. В неверном свете софитов было видно, как по их вискам крупными каплями катится пот. Навалившись друг на друга уставшими телами, вокал Джимми вновь обрел интимное, почти шепотное звучание.

Словно и не было той грязной, похотливой вакханалии секунду назад — голос Джимми окутал зал теплым, нежным покрывалом. Он запел — бережно, интимно, выводя каждую ноту с бесконечной, щемящей нежностью:

— Ты же понимаешь меня, приятель? Ей всего шестнадцать... Одари её этой любовью, самой нежной, безумной, той, что бывает раз в жизни. Любовью, которую она не забудет до самой гробовой доски. Приятель, ты ведь понимаешь меня... Ей шестнадцать... Всего шестнадцать...

Нет искушения слаще и губительнее, чем внезапная, щемящая нежность отпетого мерзавца.

Устало выдохнув, блондин мягким движением вытащил изо рта пьяного напарника дотлевающий окурок и затянулся в последний раз. Ланс, не переставая лениво перебирать струны, мазнул по нему сонным взглядом и едва заметно, словно во сне, улыбнулся одними уголками губ.

Визжащие у сцены девчонки впивались ногтями в ладони — этот контраст между животной грязью и чистой нежностью рвал их души в клочья. Они исступленно скандировали: «Джимми! Джимми!» — и плакали, захлебываясь восторгом, не в силах совладать с лавиной эмоций.

<http://bllate.org/book/19389/1999614>